

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)''1941/1945''

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ФРОНТА И ТЫЛА

*Ст. Дж. Джаг**

Рецензия на новые книги по истории Великой Отечественной войны: Крылова А. Советские женщины на войне: История насилия на Восточном фронте. N.-Y.: Cambridge University Press, 2010. xvi, 320 pp. и Манли Р. Ташкентский вокзал: эвакуация и борьба за выживание в Советском Союзе в годы войны. Ithaca: Cornell University Press, 2009. xvi, 282 pp.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, гендерные сценарии, эвакуация, практики тылового выживания.

История изучения Второй мировой войны на Восточном фронте сегодня постоянно меняется. За последние два десятилетия множество новых исследований, основанных на открывшихся в России архивах, не только позволили по-новому взглянуть на старые проблемы, но и расширили границы исследовательского поля. Стремясь выйти за рамки концепций времен Холодной войны, получив доступ к российским документам и сопоставляя их с существующими немецкими материалами, историки пришли к изучению множества социальных, политических, культурных и военных вопросов, ставящих под сомнение как немецкие, так и российские военные мифы.

Поскольку решающий характер Сталинградской битвы или крайние формы насилия, совершаемые в отношении гражданских лиц и военнослужащих, все еще остаются в центре внимания, за последние два года вышло немного действительно новаторских работ о других аспектах советского военного опыта. Две совсем свежие публикации, выходящие за рамки хорошо известных военных тем, подготовлены женщинами. Это книга Анны Крыловой «Советские женщины на войне: История насилия на Восточном фронте» и труд Ребекки Мэнли «Ташкентский вокзал: эвакуация и борьба за выживание в Советском Союзе в годы войны» [Krylova, 2010; Manley, 2009]. Каждая из этих работ касается важнейших аспектов советского военного опыта, еще не в полной мере разработанных в англоязычной литературе.

Крылова рассматривает культурные истоки феномена советских женщин-военнослужащих, их боевые успехи, а также то, как они понимали свою роль женщины-солдата, находясь в окружении мужчин – военнослужащих Красной Армии и Военно-морского флота. Мэнли изучает историю подготовки и проведения эвакуации населения из крупных городов России в Ташкент, и то, каким образом эвакуированные воспринимали как сам процесс эвакуации, так и жизнь в городе, являвшемся одновременно и советским и как бы иностранным.

Обе книги начинаются с главного вопроса: как менялись довоенные планы и политика по мере того, как Советский Союз готовился к большой войне. Проблемы советских руководителей всех рангов, вынужденных приспособиться к военным условиям и реагировать на непредвиденные обстоятельства вторжения и поражений, является другим центральным вопросом для обеих историков. Для них также важно представить, каким образом советские люди рассказывали о своем опыте войны, независимо от того, был этот опыт фронтовым или тыловым.

Что на самом деле отличает два этих исследования, так это новая методология, которую использует Крылова, в сравнении с прямолинейной политической и социальной историей у Мэнли. Крылова рассматривает не только деяния женщин на фронте, но и смыслы женского «солдатства». В отличие от авторов большинства западных гендерных исследований, она утверждает: сталинские идеи по поводу гендера отнюдь не были «бинарными», противопоставлявшими мужские и женские роли, женщины тех лет считали, что солдат может быть как мужчиной, так и женщиной. Ее исследование женщин-фронтвинок, положение которых отличалось от принятого в западных ар-

© Ст. Дж. Джаг, 2010

* Перевод с английского Г. А. Янковской.

миях, является очень важным новаторским достижением на фоне других подходов историков к пониманию особенностей советского военного опыта.

Крылова начинает свое исследование с обзора дебатов 1930-х гг. по поводу женщин, материнства и вовлечения женщин в военную подготовку. Она утверждает, что официальная культура не смогла предложить им согласованный набор приоритетов, предоставляя право самим делать свои собственные выводы и развивать свои собственные понятия о женственности. Она показывает, как после знаменитой речи Сталина 1931 г. о подготовке к войне за 10 лет, в газетах и выступлениях лидеров советская молодежь предстает как поколение, готовое бороться. Эту борьбу молодые женщины воспринимали как свой внутренний долг.

Для них будущая роль женщины-воина казалась выражением освобожденной советской женственности, благодаря которой они могли бы выйти за рамки старых буржуазных ценностей. Молодые женщины опирались на это чувство, когда принимали участие в многочисленных тренировках, организованных Комсомолом и Осоавиахимом. Официальная культура никогда так и не объяснила цель этих военных занятий, к тому же в ней сосуществовали противоречивые идеалы женского долга. В 1936 г. новый закон об абортах утвердил идею материнства в качестве главной женской обязанности, однако в 1938 г. состоялся полет самолета «Родина», после которого женщины-пилоты (Полина Осипенко, Валентина Гризодубова и Марина Раскова) репрезентировались в официальной культуре и как матери и как воины.

Крылова объясняет, что одним из результатов этих противоречий сталинской культуры было поколение молодых женщин, не имеющих ясной модели «нового советского человека», которая могла бы позволить им выразить альтернативные идентичности, основанные на определенных аспектах сталинской культуры. Это сыграло важную роль в годы войны, утверждает автор, поскольку идея привлечения женщин на фронт была глубоко укоренена в советской культуре, и призыв женщин на фронт не был результатом только чрезвычайных обстоятельств военного времени, последовавших после внезапного немецкого вторжения.

Наоборот, молодые женщины были натренированы и заблаговременно думали о возможности службы на фронте. В итоге, как только начались боевые действия, женщины добровольно пошли на призывные пункты вместе со своими товарищами-мужчинами, поскольку считали, что это не только мужской, но и их собственный долг. Крылова приводит убедительные аргументы в пользу того, что именно культивирование в сталинской культуре на протяжении 10 лет этого чувства вселяло в молодых женщин уверенность в том, что они должны бороться за Родину. Это чувство подталкивало их к добровольному уходу на фронт, если им отказывали в призыве или предлагали вместо фронтовой службы работу медицинской сестры. В фокусе ее внимания – официальная политика, а не официальная культура.

Мэнли также начинает свое исследование эвакуации с обзора предвоенных дискуссий и ситуации. Она объясняет, что советские лидеры использовали эвакуацию времен царской России и гражданской войны как руководство к действию, хотя они быстро внесли в ее организацию значительные изменения. В плане эвакуации 1928 г. советские лидеры сформулировали критерии, в соответствии с которыми она должна была идти в военное время. При определении списка тех, кто будет перемещен, в качестве решающего был выбран фактор экономической пользы. Этот первый план ориентировал на планомерную эвакуацию. Предполагалось, что эвакуанты получат продовольствие, и, тем самым, по сравнению с опытом Первой мировой войны, им будут улучшены условия переезда.

Мэнли раскрывает, каким образом «Сталинская революция» повлияла на политику эвакуации, как и на большинство других сфер жизни советского общества и государства. Ответственность за процесс эвакуации возлагалась на НКВД, а новым приоритетом стала борьба с «врагами народа» и создание инфраструктуры, необходимой для военных действий.

Новая эвакуационная политика отражала социальную иерархию и систему привилегий сталинизма, поэтому семьи лидеров партии и военных получали преимущества при эвакуации, независимо от их полезности для будущих военных действий. То же самое относится и к представителям интеллигенции, которые также получали более высокий статус по сравнению с большинством граждан даже тогда, когда они не имели научно-инженерных навыков, полезных в условиях войны. Сталинский подход к эвакуации был нацелен на различные группы «врагов народа», такие, как представители немецкой и финской наций.

Новый Совет по эвакуации создал собственную бюрократию, разрабатывал новые положения, но они были совершенно нереальными, поскольку основывались на идее сталинской пропаганды о будущей войне как наступательной операции на чужой территории. Мэнли утверждает, что в результате всех этих дискуссий 1930-х гг. накануне немецкого вторжения была создана эвакуационная система без конкретных планов и ответственных должностных лиц.

С учетом проблем 1930-х гг., на которые обратили внимание оба автора, неудачи советского руководства на начальном этапе войны не удивляют. Крылова описывает трудности, с которыми сталкивались в 1941 г. молодые женщины, пытавшиеся уйти добровольцами на фронт. Местные чиновники не получили четких указаний о том, что делать с женщинами-новобранцами, поэтому должностные лица на каждом призывном пункте по всему Советскому Союзу самостоятельно принимали решение о включении или исключении женщин из списков военнотружущих. Газеты по-прежнему не давали четкого ответа на вопрос о вовлечении женщин в армию, а речи советских лидеров можно было трактовать и как поддержку и как протест против участия женщин в боевых действиях. Крылова называет эту ситуацию «разочарованием без запретов» [Krylova, 2010, с. 119], что отражает более масштабную проблему слишком медленной реакции военных и гражданских лидеров на военный кризис.

Наконец, в начале 1942 г. советское руководство одобрило политику привлечения женщин на военную службу. Крылова доказывает, что подобная систематическая мобилизация и подготовка женщин к сражениям во время войны не имела аналогов ни в одной другой армии мира. Хотя небольшая группа женщин была призвана в 1941 г. летчиками, в 1942 г. проходит первая мобилизации и первая специализированная подготовка советских женщин на службу в пехоту, прежде всего в снайперские школы. Мужчины-командиры на фронте, как прежде официальные лица на гражданке очень медленно адаптировались к этой ситуации, многие из них сначала отказывались принимать женщин, подготовленных и направленных в качестве комбатантов в их подразделения, за исключением тех случаев, когда надо было принять врача или медсестру. Со временем таких проблем становится все меньше, но женщинам приходилось бороться за право стать фронтовичками в тяжелейшие первые месяцы войны, когда страна столкнулась с наибольшими войсковыми потерями.

Мэнли показывает, как плохо разворачивалась эвакуация советских граждан, поскольку местные лидеры и железнодорожная инфраструктура не были готовы к столь быстрому продвижению немецких войск. Главной причиной тому было отсутствие достоверной информации о положении на фронте. Во многих случаях местные власти не осознавали необходимости срочной эвакуации из-за отсутствия честной отчетности в газетах и молчания официальной бюрократии. В результате, приказы об эвакуации зачастую приходили слишком поздно, и немецкие войска захватывали города, находящиеся на начальной стадии эвакуации, или же эвакуированных отправляли в другие города под удары немецких войск. Мэнли также показывает, что в ряде случаев ответственные за эвакуацию должностные лица ударялись в панику, первыми бежали из городов, оставляя эвакуацию в состоянии полной неразберихи.

Но даже в тех городах, где эвакуация шла по плану, было очень много нарушений, потому что официальную информацию заменили собой слухи. Многие люди эвакуировались самостоятельно, пешком, опасаясь так и не дождаться официального приказа или разрешения на эвакуацию.

Довоенные планы были абсолютно далеки от реальности немецкого вторжения, нехватка поездов приводила к многочисленным задержкам в расписании, нарушение графика – к «заторам» и к еще более ухудшающемуся снабжению всем необходимым.

Ташкент не был готов к приему такого числа эвакуированных (более 100 тыс. человек). В результате эвакуированные и местное население страдали от дефицита различных товаров и продуктов. Местная бюрократия создавала большие трудности для приезжих, взятки и личные связи стали одним из важнейших средств выживания. Мэнли демонстрирует, насколько трудно было получить питание, жилье, работу, а еще труднее – различные разрешения. Столь же трудным и бюрократическим был процесс возвращения домой, когда вновь представители партийной и военной элиты оказались на особом положении.

Возможно, наиболее важной частью повествования Крыловой является та, где приводятся суждения советских женщин об их собственном понимании сути военной службы и, в особенности, боевых действий. Она размышляет о советских женщинах, отказавшихся идти на компромисс

(служить в качестве солдат и унтер-офицеров) и настаивали в своих подразделениях на своей готовности к борьбе на равных с мужчинами. Советские женщины пишут о своем опыте «без оппозиций» (формулировка Крыловой). Это означает, что они представляли себя одновременно в двух ролях – женщины и воина, не видя между ними непроницаемых границ или противоречий. Женщины приспособились к более скрупулезному контролю со стороны своих однополчан-мужчин, и, хотя они опасались, смогут ли достойно проявить себя в бою, заслужить право остаться на фронте, они говорили о своих военных успехах с гордостью.

Одно из наиболее значимых достижений Крыловой заключается в том, что она показала: советские женщины-бойцы, будучи на фронте, чаще подчеркивали свою женственность и непохожесть на мужчин, нежели скрывали эти различия.

Два ключевых примера – это Марина Раскова, гордо представлявшаяся и матерью и солдатом, и Лидия Литвяк, перешившая униформу, чтобы сделать ее более женственной. Обе старались быть образцовыми солдатами-женщинами, а не действовать или одеваться подобно мужчинам, потому что они не верили, будто солдат должен быть исключительно мужчиной.

Крылова также анализирует мнения мужчин о женщинах-фронтвицах. Мнения были очень разными, но, главным образом, они выражали поддержку и высокую оценку женщин как бойцов, заслуживающих уважения наравне с мужчинами. В некоторых случаях мужчины принимали женщин в качестве бойцов только после того, как они зарекомендовали себя в боевых действиях. Крылова видит в этих испытаниях боем снятие солдатской идеи «бинарных» гендерных различий, а также свидетельство тому, что поколение мужчин, воспитанное в те же самые 1930-е гг., совместно проходившее с женщинами военную подготовку на сборах в Комсомоле и Осоавиахиме, было открыто идее женского участия в боевых действиях.

Исследование Мэнли истории эвакуации также интересно именно с точки зрения опыта самих эвакуированных, зафиксированного в письмах и дневниках многих советских граждан, среди которых были и известные интеллектуалы, такие как Анна Ахматова, так и простые рабочие или жены партийных чиновников.

Для многих граждан отъезд из родного города был очень сложным решением, особенно если это означало расставание с семьей. Они не знали, станет ли жизнь легче или сложнее, если они уедут в эвакуацию. Мэнли объясняет, что на начальных этапах поведение лидеров, их готовность бежать и фактически оставить без контроля эвакуацию городов порождали недовольство населения. Это было особенно заметно в Москве, где поведение руководителей различных рангов во время октябрьского кризиса вызывало у многих свидетелей чувство стыда за тех, кто должен был служить примером лидерства, а вместо этого растерялся и струсил.

Прибытие в Ташкент, спровоцировало у граждан из европейской части России весьма неоднозначную реакцию. Большинство из них считало этот город совершенно азиатским, но некоторые замечали в нем романтические, позитивные, «иностранные» черты. У эвакуантов были противоречивые мнения по поводу узбекского населения. Кто-то пытался выучить язык и общаться с местными, другие чувствовали, что те их ненавидят и смотрят на приезжих как на «паразитов». Мэнли объясняет, что мнения эвакуированных о войне совпадали с суждениями тех, кто остался в тылу. Общими были постоянная тревога за тех родственников, кто воевал на фронте или остался на оккупированной территории, а также в целом пессимистические настроения, державшиеся до победы под Сталинградом. Эвакуированные с воодушевлением встречали известия о новых победах, поскольку это приближало день возвращения домой. В результате, они становились совершенно нетерпеливыми, как только Красная Армия освобождала их родные города. Меж тем интересы военной экономики диктовали, кто может вернуть раньше, а кто – нет. В результате многие рабочие писали гневные петиции, требуя разрешения на выезд домой. Мэнли показывает, насколько большинство из них были рады вернуться домой, как мирились с переполненными поездами и минимальными удобствами, ведь они так страстно желали вернуться в Европу.

Помимо сильных сторон, у обеих книг есть слабые места. Что касается Крыловой, возникают две основные проблемы. Первая заключается в том, что в книгу включена тема, которой там вообще не должно было быть – тема роли вооружений и технологий на войне. Она посвящает этой проблеме отдельную главу «Машина насилия и ее применение» [Krylova, 2010, с. 175], уверяя, что женщины доказали: они могут воевать, эффективно применяя оружие. Но она никак не объясняет, почему технология войны была особенно важна именно для женщин, или почему бой надо описы-

вать как технологический процесс, если каждый упомянутый ею вид оружия уже использовался в годы Первой мировой войны. Неявный аргумент, к которому можно прийти логически и о котором Крылова не говорит напрямую, заключается в том, что вооружения действительно облегчали женскую службу, поскольку не требовали особой физической подготовки.

Другую проблему представляет использование термина «поколение граждан-солдат» [Krylova, 2010, с. 43] в описаниях советской молодежи, достигшей в 1941 г. призывного возраста, при этом ничего не говорится о тысячах молодых женщин того же самого поколения, совсем не искавших военной службы. Хотя фронтовики – это достойная тема, но Крылова, начиная свою книгу с разговора о более широкой группе, а затем игнорирует большую ее часть. Представляется, что очень важным аспектом любого исследования этого поколения советских женщин является изучение мнений женщин-фронтовичек о своих друзьях и одноклассниках, оставшихся в тылу. Но Крылова уделяет очень мало внимания неволевающим женщинам, несмотря на то, что они гораздо чаще появлялись в официальной культуре.

Если женщины-солдаты чувствовали себя на равных с мужчинами-фронтовиками, то может быть, они считали усилия своих тыловых «сестер» менее важными в условиях войны? Возможно, Крылова нашла бы более сильные и убедительные доводы в пользу «поколения граждан-солдат», если бы подвергла анализу тех женщин, которые либо не смогли, либо не захотели служить на фронте, а не концентрировалась только на тех, кто стал воином.

Работа Мэнли уязвима в более фундаментальном вопросе: как это исследование эвакуации меняет наше понимание советской действительности в годы войны? Конечно, она приводит детальные сведения об опыте и страданиях огромной группы эвакуированных, но все ее выводы всегда апеллируют к 1930-м. Такое впечатление, что в любой области модели поведения из довоенного сталинизма вновь появлялись в военное время, словно ничего не изменилось. Плохое планирование, дефицит предметов первой необходимости, неформальные сети, бесчестная бюрократия, социальные иерархия и привилегии – все эти неизменные приметы повседневной жизни в тыловом Ташкенте были теми же самыми, что и в 1930-е гг. в Москве, Ленинграде или Киеве. И хотя Мэнли успешно представляет судьбы советских граждан, ранее исключенных из официальной истории героизма и самопожертвования военных лет, она менее убедительна в объяснении того, как эвакуация и личный опыт эвакуированных меняет наше понимание действий СССР в годы войны.

В конечном итоге, Крылова и Мэнли доказали, как много еще аспектов этой темы ждет рассмотрения историками, и как много еще интригующих исследовательских вопросов не получили достойного решения. Крылова приводит мощные доводы в пользу дальнейшего изучения солдатской точки зрения и мемуаров, что необходимо для понимания истоков победы Красной Армии и важности изучения Второй мировой войны для понимания истории Советского Союза в целом.

Мэнли представляет точки зрения тех, кто страдал от лишений военного времени, не получая какой-либо славы или бонусов за победу. Ее работа дает ученым основание идти дальше в изучении многообразного опыта советского тыла. Объединяет обе работы успешное исследование массовых мнений, выходящее за рамки традиционных представлений о фронте и тыле, что позволяет, используя эти голоса, обогатить наши представления об истории Восточного фронта. Помимо академической аудитории, обе книги обращаются к темам, продолжающим резонировать в современной России.

Библиографический список

- Krylova A.* Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front. N.-Y.: Cambridge University Press, 2010. xvi, 320 pp.
- Manley R.* To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca: Cornell University Press, 2009. xvi, 282 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2010